

Воспоминания С.Ю. Витте: публикации и публикаторы

Андрей Голиков

The Memoires of S.Yu. Witte: publications and publishers

Andrey Golikov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870017297-7

В 1921 г. почти одновременно увидели свет сразу две версии мемуаров графа Сергея Юльевича Витте. В Лондоне вышла книга, на титульном листе которой указывалось, что её текст представляет собой перевод, выполненный с оригинальной русской рукописи заведующим Славянским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки А. Ярмолинским¹. А находившееся в Берлине эмигрантское издательство «Слово» выпустило на русском языке первый том «Воспоминаний», подготовленный к печати бывшим членом ЦК кадетской партии И.В. Гессеном и его пасынком историком-медиевистом С.И. Штейном (второй и третий тома появились в 1922—1923 гг.)². Вскоре в Париже опубликовали перевод с лондонского издания, а в Германии перевели на немецкий из гессеновского трёхтомника два тома, посвящённые царствованию Николая II³. Таким образом, мемуарное наследие гр. Витте практически сразу стало доступно, хотя и в разных вариантах, читателям многих стран.

В 1923—1924 гг. Госиздат РСФСР, не располагавший авторскими текстами воспоминаний Витте, перепечатал их в редакции Гессена, предварив её предисловием М.Н. Покровского⁴. Но, как уже тогда отметил в рецензии Б.А. Романов, она не давала «полного и точного воспроизведения того, что было написано и надиктовано Витте для опубликования после его смерти»⁵. Только через 80 лет, когда ученики Романова — Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин полностью издали оригинальные «Рукописные заметки» и «Рассказы в стенографической записи» Витте⁶, хранящиеся ныне в Бахметьевском архиве русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке, исследователи получили возможность «использовать все варианты изложения...

© 2021 г. А.Г. Голиков

¹ The Memoires of Count Witte / Translated from the original Russian manuscript and edited by Abraham Jarmolinsky. L., 1921.

² Граф С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1—2. Берлин, 1922; Т. 3. Берлин, 1923. Хотя на обложке первого тома был указан 1922 г., пресса сообщила о его выходе ещё в октябре 1921 г.

³ Memoires du comte Witte. 1849—1915. P., [s.a.]; Witte S.J. Erinerungen. Berlin, 1923.

⁴ Граф С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1—2. М.; Пг., 1923. Т. 3. М.; Пг., 1924.

⁵ Книга и революция. Ежемесячный критико-библиографический журнал. 1923. № 2(26). С. 54.

⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 1. Кн. 1—2; Т. 2. СПб., 2003. Данное издание было осуществлено совместно Бахметьевским архивом русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке и Санкт-Петербургским институтом истории РАН.

с указанием места, времени и формы (устной или письменной), в которой оно производилось, и установить контекст в каждом случае»⁷.

Охарактеризовав «Воспоминания» как «вечную» книгу «для биографии и истории деятельности самого Витте», Романов предвидел, что «потребуется очень большая и кропотливая работа не одного историка для критической проверки и оценки сообщений» Сергея Юльевича⁸. Учёные, обращавшиеся к этому источнику, не раз исправляли, дополняли и опровергали свидетельства мемуариста. В концентрированном виде представление об этой работе дают комментарии к переизданиям гессеновской редакции «Воспоминаний»⁹, появившимся уже во второй половине XX в., а также к публикации неотредактированных записей Витте¹⁰. Изучались и различные источниковедческие аспекты, связанные с судьбой данного памятника¹¹.

Вместе с тем остаётся невыясненным, насколько существенные изменения вносились редакторами «Воспоминаний» и какие приёмы использовал при их создании сам Витте, желавший сформировать в сознании будущих читателей нужный ему образ прошлого?

В ряду сановников, приближённых к последним императорам, Витте — министр финансов (1892—1903), председатель Комитета министров (1903—1905) и Совета министров (1905—1906), член Государственного совета (1892—1915) — занимал особое место. Его имя стойко ассоциировалось у современников и историков с успехом денежной реформы 1897 г., укрепившей российский рубль, с серией таможенных договоров, обеспечивших внешнеэкономические интересы империи и способствовавших развитию её промышленности и торговли, с активной политикой на Дальнем Востоке и реформированием государственного устройства в период революции 1905—1907 гг. Разумеется, в мемуарах Витте изложил ход этих событий в благоприятном для себя свете. Непосредственный их участник, умный и наблюдательный человек, он неплохо владел пером и знал цену слову. Отправленный в апреле 1906 г. в отставку неожиданно и, как ему казалось, незаслуженно, автор воспоминаний не только хвалил себя, но и сводил счёты с многочисленными недоброжелателями и недругами. Свой труд он адресовал не только и, возможно, не столько современникам, сколько потомкам.

⁷ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте и его воспоминания // Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. С. 16.

⁸ Книга и революция. 1923. № 2(26). С. 54.

⁹ Лучшее из них по тщательности подготовки: *Витте С.Ю.* Воспоминания / Под ред. А.Л. Сидорова. Т. 1—3. М., 1960 (далее в статье цитируется это издание). Авторы комментариев к этим томам — Б.В. Ананьич, И.В. Бестужев, В.И. Бовыкин, Р.Ш. Ганелин, В.А. Емец, К.Н. Тарновский. См. также: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1—3. Таллин; М., 1994. Авторы комментариев — А.Г. Голиков и А.В. Игнатьев.

¹⁰ Из архива С.Ю. Витте...

¹¹ *Сидоров А.Л.* К вопросу о характере текста и источников «Воспоминаний» С.Ю. Витте // *Сидоров А.Л.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970; *Ткаченко М.А.* Фонд С.Ю. Витте в ЦГИА СССР и задачи критики «Воспоминаний» С.Ю. Витте // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977; *Ананьич Б.В.* О рукописях и тексте мемуаров С.Ю. Витте // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 12. Л., 1981; *Виттенберг Б.М.* К истории личного архива С.Ю. Витте // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 17. Л., 1985; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994; *Каганович Б.С.* С.И. Штейн — первый редактор мемуаров С.Ю. Витте // Россия XIX—XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998; *Голиков А.Г.* Разыскания в личном архиве // *Голиков А.Г.* Архивоведение отечественной истории. М., 2008.

При этом гр. Витте так и не создал единого текста. Зимой 1906/07 гг. под непосредственным руководством Сергея Юльевича на основе материалов его личного архива был подготовлен пространный труд «Возникновение русско-японской войны». Летом 1907 г. за границей граф приступил к работе над «рукописными заметками», которую, с перерывами, продолжал до осени 1912 г., описание событий в них начиналось с осени 1903 г. Зимой 1910/11 гг., находясь в Петербурге, гр. Витте стал диктовать «стенографические рассказы», чем занимался и следующей зимой, поведав о том, что видел и слышал с детских лет до конца 1911 г. «Итак, — подводил граф итог, — я оставляю: 1) историю возникновения русско-японской войны (эта работа составлена при сотрудничестве некоторых лиц, которые были моими сотрудниками, когда я был министром финансов), работа состоит из двух томов и тома приложений — её можно напечатать сейчас после моей смерти; 2) стенографические рассказы (можно тоже напечатать после моей смерти, с некоторыми выпусками, касающимися лиц, ещё живущих) и, наконец, настоящие мои рукописные заметки, которые тоже должны быть в ближайшее время после моей смерти напечатаны. Прошу это в точности исполнить. Гр. Витте. 11(24) октября 1912 г.»¹². Впрочем, вскоре он сам нарушил свои указания. В 1914 г. «Возникновение русско-японской войны» было опубликовано им под чужим именем в журнале «Исторический вестник» и напечатано в переводе на французский язык в Лейпциге в виде книги.

После смерти гр. Витте его вдова продала права на воспроизведение в печати воспоминаний мужа двум издательским фирмам. Гессен и Штейн, готовя мемуары к публикации, соединили предоставленные им «рукописные заметки» (9 тетрадей *in quarto*) и «стенографические диктовки» (17 томов *in folio*) и составили из разных частей сводную редакцию.

Впервые оценить степень вмешательства Гессена и Штейна в авторский текст Витте попытались при подготовке научного издания «Воспоминаний», которая велась под руководством А.Л. Сидорова в конце 1950-х гг. При этом была изменена последовательность томов: теперь они шли в хронологическом порядке, и третий том, в котором рассказывалось про детство мемуариста и царствования Александра II и Александра III (1849—1894), стал первым, в двух следующих описывалось время Николая II. Поскольку рукописи мемуаров считались утерянными, опубликованный ранее в Берлине текст дополнили аннотированным указателем имён и обстоятельными комментариями, в которых использовались и материалы личного фонда гр. Витте, хранившегося тогда в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ф. 540)¹³. Основную его часть составляли бумаги, изъятые после смерти Сергея Юльевича по распоряжению царя и переданные на хранение в императорские библиотеки, а также документы из графского особняка, покинутого в 1917 г. его владельцами, и некоторые материалы из других коллекций. Там же было обнаружено подробное (занимавшее несколько десятков страниц печатного текста) оглавление стенографических диктовок, включённое в новую публикацию в качестве приложения¹⁴.

¹² Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 511.

¹³ В 1961 г. этот фонд передали из Москвы в Ленинград, где в Центральном государственном историческом архиве СССР (ныне — РГИА) ему присвоили номер 622.

¹⁴ Воспоминания (рассказы в стенографической записи) графа Сергея Юльевича Витте // *Vitte С.Ю. Воспоминания*. Т. 1. С 464—510.

Эта находка помогала лучше понять работу берлинского издателя. В феврале 1961 г. в докладе на заседании Археографической комиссии Сидоров сообщил, что «теперь, по счастливой случайности, мы располагаем источником, который позволяет несколько приоткрыть завесу над нерешённой проблемой и более конкретно представить себе объём и характер редакторского вмешательства в авторский текст». Правда, докладчик признавал, что «речь идёт пока лишь о частичном решении проблемы и, в известной степени, о догадках»¹⁵. Согласно предположению Сидорова, в процессе литературной правки редактор «мог незаметно выйти за рамки необходимого и так исправить текст Витте, что он местами мог получить другое звучание, другую направленность. Перестановка материала могла нарушить связь изложения, взаимозависимость и связь частей. В новом своде, хотя и составленном на основе текста самого Витте, могли появиться новые оттенки мысли»¹⁶. Создав «единый и удобочитаемый» вариант «Воспоминаний», он «слишком широко понял свои задачи и в процессе редактирования недостаточно считался с особенностями строя мысли и изложения» автора¹⁷. И это заставляло продолжать «поиски подлинных рукописей», так как «кардинальное решение вопроса о полном соответствии изданного Гессеном свода “Воспоминаний” Витте исходным редакциям может дать только внимательное изучение подлинного текста и сравнение его с печатным текстом»¹⁸.

В 1965 г., когда прошло 50 лет после смерти гр. Витте, исследователи получили доступ к материалам его личного архива, хранившегося в США. Там и обнаружили оригинал мемуаров. В ноябре 1978 г. возможность ознакомиться с ними получил Б.В. Ананьич — один из тех, кто готовил издание 1960 г. Теперь он предпринял попытку «оценить размер редакционной работы берлинского издателя воспоминаний»¹⁹. Сравнив оригинал и версию, опубликованную издательством «Слово», Ананьич отметил, что редакторы старались не править текст и лишь в некоторых случаях исправляли пунктуацию и обозначали красные строки. Вместе с тем они по собственному усмотрению формировали тома и главы, расчленили авторское повествование и переносили его фрагменты (по страницам и даже по строкам) не только в другие главы, но и в разные тома, делали купюры, которые, вопреки обещанию, далеко не всегда обозначили²⁰.

Насколько существенны были эти изменения? В мемуарах гр. Витте кажущийся внешний беспорядок изложения имел внутреннюю логику и определённую тенденцию. Это хорошо видно при рассмотрении сюжета, которому Гессен и Штейн дали в своей редакции название «Захват Ляодунского полуострова» (глава 27). В оглавлении стенографических диктовок графа говорилось «о занятии Германией китайского порта Цзяо-Чжоу и Россией Ляодунского полуострова». По мнению Сидорова, «автор мемуаров сознательно и преднамеренно употребляет более “каучуковую” формулировку, избегая слова “захват”»²¹. Редакторы же, меняя слова, обозначили собственное видение характера русской политики на Дальнем Востоке. Также они пропустили два абзаца, в которых

¹⁵ Сидоров А.Л. К вопросу о характере... С. 194.

¹⁶ Там же. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 216.

¹⁸ Там же. С. 193.

¹⁹ Ананьич Б.В. О рукописях и тексте мемуаров С.Ю. Витте. С. 193.

²⁰ Там же. С. 195—197.

²¹ Сидоров А.Л. К вопросу о характере... С. 198.

гр. Витте давал свою оценку договору, заключённому между Россией и Японией 13(25) апреля 1898 г. По его условиям Петербург отказывался от полученных в Корею привилегий, и мемуарист утверждал, что благодаря этой уступке Россия обладала бы «Квантунским полуостровом (который затем был назван Квантунской областью Российской империи), а Япония окончательно внедрилась бы в Корею, и такое положение дела могло бы при миролюбивых и добросовестных друг к другу отношениях длиться многие десятки лет. Но этого не случилось, с одной стороны, потому что мы по отношению к Японии не соблюдали в точности, по существу, наших обязательств, а с другой стороны, мы нашим захватом Квантунской области подняли целую бучу в Китае»²². Такая версия событий снимала с Витте ответственность за последствия занятия Квантуна. Далее мемуарист в соответствии со своей логикой нарушал хронологию событий и в особом разделе сообщал «о боксёрском восстании в Китае», которое изображал как следствие неверных действий царя и МИД. Тем самым в стенографических диктовках граф проводил чёткую грань между гибкой политикой «мирного проникновения» в Китай, которую он отстаивал, и стремлением его оппонентов к территориальным захватам. Редакторы же, восстанавливая хронологическую последовательность событий, завершали главу 27 фрагментом из другой части воспоминаний («Возвращаясь к нашему соглашению с Китаем 15 марта 1898 г., я хотел бы заметить...»)²³, затем прерывали авторское изложение рассказами о А.Н. Куропаткине (глава 28), Гаагской конференции (глава 29), И.Л. Горемыкине (глава 30). И только после этого помещали главу 31 «Боксёрское восстание и наша политика на Дальнем Востоке».

Поскольку Гессен и Штейн делали купюры в тексте, не всегда их фиксируя в публикации, самостоятельно обнаружить такую лауну бывает непросто. Так, в «рукописных заметках» гр. Витте супруга Александра III и мать Николая II предстаёт как «женщина невыдающегося ума, но хитрая, весьма почтенная, благородная, много в жизни перенесла и потому многому научилась, замечательно приветливая, верная в своих чувствах, благодарная, она действительно — императрица»²⁴. При публикации из этого отрывка исчезло одно слово — «хитрая»²⁵. И баланс продуманных автором «штрихов», создававших образ, был нарушен.

Даже, казалось бы, безобидная правка пунктуации имеет значение. Характеризуя поведение Николая II в октябре 1905 г. как позицию «индифферента-оптимиста», который «ощущает чувство страха, только когда гроза перед глазами, и как только она отодвигается за соседнюю дверь, оно мигом проходит», Сергей Юльевич добавлял: «Ведь сидя у себя в золотой тюрьме, ух, как мы храбры!»²⁶. Редакторы заменили (не оговаривая) восклицательный знак нейтральным многоточием²⁷, и эмоциональное настроение мемуариста сразу же ступешалось.

Не следует забывать, что воспоминания гр. Витте, по верному замечанию Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина, — «предельно сложный источник», автор которого до последнего дня своей жизни «оставался увлечённым и страстным

²² Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 507.

²³ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 145.

²⁴ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 73.

²⁵ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 284.

²⁶ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 241.

²⁷ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 47.

политиком, не терявшим надежды вернуть утраченные им влияние и власть. Достижению этой цели было подчинено и писание мемуаров»²⁸. В них можно обнаружить и непосредственное самовосхваление, и ненавязчивое освещение прошлого. Без ложной скромности граф констатировал, что, управляя финансами империи более десяти лет, он привёл их «в блистательное состояние»²⁹. Сергей Юльевич не сомневался, что если бы царь и в дальнейшем прислушивался к его мнениям о делах внутренней и внешней политики, «то, может быть, и были бы сделаны ошибки, может быть, были бы сделаны даже крупные ошибки, но тем не менее мы избежали бы всех тех катастроф, которые последовали, начиная с 1903 г.» (когда ему пришлось покинуть пост министра финансов и занять кресло председателя Комитета министров)³⁰.

Е.В. Тарле усматривал в мирозерцании мемуариста довольно примитивную веру в «роль личности в истории». Тот будто бы исходил из того, что «на историю влияет великий государственный деятель: в частности, на историю России должен влиять Сергей Юльевич Витте, которому в этом деле должен не мешать государь император, не говоря уже о ком бы то ни было другом»³¹. Соответственно и портреты современников выходили без полутонов: «Хорош тот, кто помогает графу Витте; худ тот, кто мешает или вредит графу Витте»³².

Но вопреки мнению историка, многоопытный политик, несмотря на резкость отдельных высказываний, стремился соблюсти в тексте баланс положительных и негативных оценок. Так, «прекраснейший... весьма добрый... очень приятный в своих сношениях» генерал-адмирал вел. кн. Алексей Александрович одновременно характеризуется как человек «по существу и в политическом отношении... совершенно слабый»³³. А «несомненно благороднейший, честнейший и благонамереннейший», «по природе умный и образованный» министр внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирский для гр. Витте — «человек с малым государственным опытом, довольно слабый физически»³⁴.

Такой приём позволял придать изложению видимость объективности и одновременно возвышал над всеми самого графа, судившего и характеризовавшего всех и вся и всячески побуждавшего читателя сочувствовать и сопереживать своим действиям. Это прослеживается уже в самых ранних рукописях гр. Витте, сделанных им за границей летом 1907 г. Размышляя о «наделавших много шуму» словах депутата I Думы кн. С.Д. Урусова про дворцового коменданта Д.Ф. Трепова, якобы представлявшего собой «вахмистра по воспитанию и погромщика по убеждению», Сергей Юльевич уточнял: «Трепов был “вахмистр по воспитанию”». Это верно, и в этом заключалась его беда и беда России. Когда-то он учился в Кадетском пажеском корпусе, вероятно, в своей жизни не прочёл толково ни одной серьёзной книги, всё его образование и воспитание прошло в конногвардейских казармах и офицерском собрании и преимущественно в первых, так как он был серьёзный фронтовик, добросовестный офицер, что, конечно, не принесло ему ущерба... “Погромщик по убеждению” — это уже не совсем точно. Трепов не был погромщик по любви к сему искус-

²⁸ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Предисловие // Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 5.

²⁹ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 37.

³⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 117.

³¹ *Тарле Е.В.* Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // *Тарле Е.В.* Собрание сочинений. Т. V. М., 1958. С. 513.

³² Там же. С. 511.

³³ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 494.

³⁴ Там же. Т. 2. С. 323.

ству, но он не исключал сего средства из своего политического репертуара и по убеждению прибегал к нему или, вернее, был не прочь к нему прибегать, когда считал его необходимым для защиты основ государственности — так, как основы эти ему представлялись как “вахмистру по воспитанию”»³⁵.

Но, не ограничиваясь данным наблюдением, гр. Витте делал более широкий вывод: «Вообще трудно определить политического деятеля, да и вообще человека, одной фразой. Человек — существо крайне сложное, не только фразой, но и многими страницами определить его трудно... Нет такого негодя, который когда-либо не помыслил и даже не сделал чего-либо хорошего. И нет такого честнейшего и благороднейшего человека (конечно, не святого), который когда-либо дурно не помыслил и даже при известном стечении обстоятельств не сделал гадости. Нет дурака, который когда-либо не сказал и даже не сделал чего-либо умного, и нет такого умного, который когда-либо не сказал и не сделал чего-либо глупого. Чтобы определить человека, нужно написать роман его жизни. А потому всякое определение человека — это только штрихи, в отдалённой степени определяющие его фигуру. Для лиц, знающих человека, эти штрихи бывают достаточными, ибо остальное восстанавливается собственным воображением и знанием, а для лиц незнающих штрихи дают очень отдалённое, а иногда и совершенно неправильное представление»³⁶. Этот вывод стал авторским кредо Витте-мемуариста.

Завершая 5 ноября 1907 г. первый фрагмент своих «заметок», сделанных за границей «наскоро, не имея под руками никакого материала», граф сообщал будущим читателям: «Теперь, удалившись от активной политической жизни, я решил написать мои воспоминания. Думаю, что они могут послужить к освещению многих событий... Пишу всё по памяти, а потому, вероятно, делаю некоторые ошибки в датах и названиях... Но что касается фактов и сути дела, то всё изложено *с полной правдивостью и точностью* (выделено в тексте. — А.Г.)»³⁷. Спустя несколько лет он вновь предупреждал: «Так как я веду свои рассказы, которые воспроизводятся посредством стенограмм, совершенно не подготавливаясь к этим рассказам, я беру из моей памяти то, что я помню». Но при этом «в общих чертах всё сказанное составляет несомненную правду и излагает обстоятельства дела вполне беспристрастно и добросовестно»³⁸.

В данном случае гр. Витте явно лукавил. Перед началом диктовок им были подготовлены хронологические таблицы, охватывавшие прожитые годы, и подробный перечень тем, о которых следовало «вспомнить». Документальную основу составляли материалы, откладывавшиеся в его личных архивах: петербургском, существовавшем с рубежа 1880—1890-х гг., и заграничном, созданном в 1908—1909 гг. Состав их, за немногими исключениями, совпадал. Подлинники, как правило, хранились за границей, а копии — в Петербурге.

Зачем же тогда граф старался убедить читателей в возможности непреднамеренных ошибок памяти? Очевидно, это объяснялось тем, что далеко не все допущенные им «неточности» были случайными. Находясь в отставке, опытный чиновник создавал автопортрет верного слуги престола, ставшего жертвой происков неумных, но ловких завистников-царедворцев, и не прочь был выдать желаемое за действительное, на что неоднократно указывали истори-

³⁵ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 128.

³⁶ Там же. С. 127.

³⁷ Там же. С. 5.

³⁸ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 148.

ки. Так, И.С. Рыбачёнок отметила, что гр. Витте, стремясь подчеркнуть собственную роль в появлении замысла состоявшейся в 1899 г. Первой Гаагской конференции мира, сознательно сместил хронологию событий и датировал её начало «около середины 1898 г.»³⁹. Именно «такая “ошибка памяти” мемуариста, который диктовал воспоминания стенографистке, имея перед глазами специально составленные таблицы, дала ему возможность не только придать больший динамизм изложению истории подготовки обращения к державам о сокращении вооружений, но, главное, обойти вопрос о длительной (с марта по август) и сложной работе над этим документом в аппарате МИД»⁴⁰.

Не менее характерен в этом отношении и рассказ о подготовке Манифеста 17 октября 1905 г. 9 октября Николай II принял председателя Комитета министров по его просьбе для доклада о тех мерах, которые требовалось предпринять для борьбы с нарастающим в стране революционным движением. Граф представил ему всеподданнейшую записку, в которой предлагал «или стать во главе охватившего страну движения, или отдать её на растерзание стихийных сил»⁴¹. Один из возможных выходов из сложившегося положения, о котором Сергей Юльевич предпочёл доложить устно, состоял в том, чтобы «облечь соответствующее лицо (диктатора) полновластием, дабы с непоколебимой энергией путём силы подавить смуту во всех её проявлениях»⁴². Император выслушал эти рекомендации, но своего мнения не высказал.

Следует отметить, что, по утверждению графа, он был принят Николаем II дважды: 9 октября наедине и 10 октября в присутствии императрицы. Между тем царь, отличавшийся педантичностью и вниманием к деталям, отметил в дневнике, что принимал его вместе с императрицей 9 октября. За 10 октября такой записи нет⁴³. Зачем же Витте потребовался рассказ о двух аудиенциях? Слухи, будто он вырвал у монарха Манифест 17 октября, вынуждали графа оправдываться. И версия о двух докладах, на первом из которых он представил «наскоро составленную всеподданнейшую записку», а на втором — текст с изменениями, учитывающими указания императора, должна была показать, что Николай II действовал в данном случае по доброй воле.

Большое внимание уделено в мемуарах революции 1905—1907 гг. и решающей роли гр. Витте в её подавлении. Лейтмотивом при этом звучит мысль, согласно которой «вся наша революция произошла от того, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство должно регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо, грубо загораживает путь, то происходит революционный потоп»⁴⁴. Граф с удовлетворением констатировал: «Когда нужно было выйти из постыдного положения, явившегося последствием позорной войны, и никто не хотел брать на себя тяжёлой миссии заключить мир, то государь должен был в конце концов обратиться ко мне с просьбой поехать в Америку его первым, чрезвычайным и уполномоченным послом... По моему глубочайшему убеждению, если бы не был заключён Портсмутский мир, то последовали

³⁹ Там же. С. 159.

⁴⁰ *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005. С. 26.

⁴¹ Манифест 17 октября / Сост. И. Татаров // Красный архив. 1925. Т. 4—5(11—12). С. 61.

⁴² *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 11.

⁴³ Дневники императора Николая II (1894—1918). В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2. Ч. 1. М., 2013. С. 64.

⁴⁴ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 54.

бы такие внешние и внутренние катастрофы, при которых не удержался бы на престоле дом Романовых. Далее, когда потребовалось спасти положение в октябре 1905 г., и все отказывались от власти, то, конечно, опять государь обратился ко мне»⁴⁵.

И тут заслуживает внимания фрагмент воспоминаний, который в стенографических диктовках обозначен как рассказ «О госпоже Чириковой». Мемуарист включил его в повествование о киевском периоде своей жизни. Начиная рассказ так: «Во время моего пребывания в Киеве я встретился с одной особой, которая потом сыграла большую роль в моей деятельности после 17-го октября 1905 г., когда я принял пост председателя Совета министров во время так называемой нашей русской революции, скажу — первой революции, потому что, мне кажется, нам не избежать и последующей революции, по крайней мере, если дела будут идти так, как идут теперь»⁴⁶. В рукописных заметках Витте, где также изложен данный сюжет⁴⁷, этот текст отсутствует; не включён он и в главу 56 («Беспорядки и карательные экспедиции») сводной редакции Гессена и Штейна⁴⁸. В стенографических диктовках гр. Витте «спрятал»⁴⁹, видимо, неудобный для него эпизод: благодаря сведениям, сообщённым Чириковой, он настоял на назначении московским генерал-губернатором решительного адмирала Ф.В. Дубасова и на посылке в Москву дополнительных войск для подавления восстания. Можно предположить, что Витте, сохраняя надежду вернуть влияние и власть, допускал такую возможность в случае, если в России вспыхнет новая революция, которая будет угрожать существованию династии Романовых. И тогда царь вновь обратится к нему как к спасителю.

Воспоминания гр. С.Ю. Витте стали первыми мемуарами сановника столь высокого ранга, опубликованными после свержения самодержавия. Личность автора, его осведомлённость о тайных пружинах российской и мировой политики, масштабность и актуальность воссозданной им картины недавнего прошлого — всё это вызывало интерес как у его современников, так и у нескольких поколений историков, которым предстояло прежде всего оценить достоверность полученной информации. Ведь приёмы самовосхваления, как бы ненамеренной «забывчивости» или, наоборот, неверных «припоминаний» применялись гр. Витте осознанно, и важно не только выявить его ошибочные утверждения, но и объяснить их причины.

⁴⁵ Bumme С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 354—355.

⁴⁶ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. С. 177.

⁴⁷ Там же. Т. 2. С. 299—304.

⁴⁸ Bumme С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 170—180.

⁴⁹ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. С. 177—180. Рассказ «О госпоже Чириковой» был продиктован Витте после рассказа «О князе Горчакове» и перед рассказом «Об упорядочении таможенного дела на русских железных дорогах».